ДЕБЮТ

Kaham Kahaka

ЗАГЖУ СВЕЧУ

* * *

Благословляю, бабочка! Лети к своим цветам,

в свой сад и сновиденье. Наскучила тебе зима. Прости,

что не внести тебя в стихотворенье.

О, как же зряч художник, как же слеп тот, кто не видит красоту природы, что ныне ты свой излучаешь свет, как пламя самых первых дней свободы.

Сестра сестре и брату брат – как враг.

под солнечным и ясным небосводом.

Нас время разделило на народы. Теперь ты тоже как бы демократ

Благословляю, бабочка! Лети в свой зоосад.

С тетради прочь. Отныне ты героиня не моей любви.

Лети себе, лети. Меня пусти утешиться слезами по Марине...

* * *

Грядёт февраль.

И мысль о нём грустна. Так холодно, хоть негодуй и сетуй.

Зима – она и в Африке зима.

(Кис-кис, Гаврюша! Молочка отведай!)

Есть за окном высокая стена из кирпичей (за нею дом соседа, где на верёвке сохнет простыня), что до сих пор мной не была воспета.

Не можется простуженной гортани. Сидеть в ночи, чего-нибудь писать, как я привык в забытой глухомани, сейчас не получается никак. Но некому оставить гауптвахту. Засим пойду в простуде на чердак, надев на плечи чью-то безрукавку.

А Музу лишь за смертью посылать!

Нисходит ночь на голову мою. Схожу на кухню, разбужу кофейник. Возьму дрова и печку растоплю, где прячется давно военнопленный. Зажгу свечу и тихо на чердак по деревянным стареньким ступеням взойду, чтоб есть,

как маленький червяк ест яблоко, слова до исступленья.

Как много лет кирпичная стена, куда окно выходит из столовой, стоит. Она ужель поднесена в награду мне за слово и не слово?! Взошла большая над стеной луна и смотрит.

Я хочу писать толково,

	167
HO HO DI IVOJIJIT OTO V MOJIJ	Vehicle oper is nothing process
но не выходит это у меня.	Увидеть свет и добрые глаза
То выходки и происки озноба.	хозяев, где застолье, просят к чаю,
	в чьих душах ни корысти нет, ни зла,
Высокая кирпичная стена	где не обидят и не опечалят.
хранит меня от бед, как будто это	
широкая и сильная спина	Уважат гостя водкой и добром,
Геракла или, может быть, атлета,	где для гармони
неведомого мне. Мне всё равно.	вдоволь песни, пляски
Была задача написать про стену.	В такой же летний день –
Мне есть о чем писать,	вот ход конём! –
есть рифмы,	хозяева уехали в коляске.
но	
какое отношенье к делу	С тех пор пустует терем. Почему?
имеет то, о чем писать хочу?!	Что приключилось? – боле не известно
Я зуб даю, не справиться с кирпичной	об обитателях, покинувших се место,
стеной и греческому силачу,	ни сердцу моему и ни уму.
каким бы ни был мужиком отличным!	
•	Мне доводилось мимо проходить
С ней не сравнится, например, стена,	и не однажды видеть чудный терем.
построенная некогда в Китае.	Какую тайну в тереме хранит
Мои угодья полная луна,	дверь под замком?
заслышав эту новость, покидает.	А ключ давно потерян
	Que Top
Что говорить про стену, что Берлин,	Пишу стихи, а ручка не идёт.
чтоб разделить Германию на части,	Упрямый слог привычно не податлив.
воздвиг. И хорошо, что развалил.	Пусть каждый сам по-своему поймёт,
Стена стояла, на мой взглял, напрасно.	поскольку кажлый, лумаю, логаллив.

Стена стояла, на мой взгляд, напрасно. поскольку каждый, думаю, догадлив.

А про свою я долго говорить Могу, до предрассветной сини, стену.

Я по идее прихожу служить столу и лампе,

но не справлюсь с ленью... ТЕРЕМОК

За ивою, за бурною листвой

и за оврагом спрятан терем чудный,

даёт понять, что теремок безлюдный.

где и тропа, заросшая травой, Я это знаю. Но иду назло, не внемля знакам, просьбам, увереньям.

Открыть калитку и войти в тепло

вхожу стихотвореньем).

(представь, стучусь,

живёт один и пьёт вино

один. Он человек хороший. Он обожает, что Дали успел при громкой жизни сделать. Ему немало помогли работы Врубеля, чей «Демон»

прекрасен, стать тем, кем он есть теперь. Он дома вечерами рисует. Он не пьёт, не ест, когда работает с холстами.

МАЛЯВИН

Что мне и вам до этих строк,

когда свече, столу и стулу без разницы, кто одинок,

и ночь потрачена впустую. Не в первый раз. Но есть окно

напротив дома, где художник

КАНАТ КАНАКА 168

а я сижу и не могу писать,

иль почерк мой тетради не угоден. Любой другой насочинять свободен

Его безгрешный прах

до дней своих последних,

что он вернётся, цел и невредим.

сам военком, пуская сигаретный из носа дым, невыносимо злой.

Увёз на службу мальчиков деревни, их от родимой отодрал глуши.

мужчины молча, женщины ревели

А мальчики в последний бой ушли. Покойному хотелось видеть сына, он сына ждал, просил его позвать.

наведался из области весной

Не провожали, у себя сидели

и волосы на голове седели.

А было так, однажды к ним в деревню

за хулиганство за решётку. о чём угодно: про любовь, про сад. Он как-то горячо бранил И только я не знаю, не умею всё, что оставил Петров-Водкин, писать, как пишут сверстники мои. затем, что показался он Но с Музою, о, что мне делать с нею, ему округлым и стандартным. она забыла про мои стихи.

Он также не был впечатлён Покинула, отбыла, улетела. Куда? К кому? Надолго ли? Когда?.. никак Малевича «Квадратом». Я помню, как ему сказал, Хотя какое до неё мне дело.

что из художников Малявин Мне это всё давно осточертело. мне нравится. Он это знал. Скажи, читатель, горе – не беда. Не отругал, но был подавлен. Я говорил, что высоко, Недавно было, хоронили деда

помимо «Вихря», «Бабу в красном» односельчане. На похоронах ценю Архипова. На что соседи шли, чтоб проводить соседа художник мне сказал: «Напрасно!» в последний путь. Меня он часто обвинял, теперь лежит на кладбище деревни. не без причины, что в искусстве

я мало смыслю. Объяснял: Я помню, как с поминок люди шли, всё, что мне нравится, - безвкусно! мужчины молча, женщины ревели, И как мне ни старался он молился ль кто за упокой души?! взгляд навязать на то и это, Он жил один на улице соседней. Мне говорили, у него был сын, Я оставался при своём, как подобает быть поэту... дед сына ждал

Он попытался на меня давить (мой Бог, что это было – не передать!), но мне ума не спорить с ним тогда хватило.

Художник много натворил,

стыда. Однажды угодил

хоть человеком был он кротким,

Художник – старый человек, и он достоин уваженья. «Я тяжело иду наверх, спускаться будет тяжелее».

Так мне художник говорил. Теперь мы видимся не часто

с художником, что не любил Малявина... Увы, напрасно.

Пришла зима, и полегчало саду. Наладилось на сердце, улеглось.

Покойному мерещилась могила,

Я, как всегда, за рукописи сяду или за книгу, дочитать балладу.

Собака с кошкой покидают пост. Ночь за окном моим уж на исходе,

кричал в бреду, что бабка приходила и говорила, что придёт забрать.

В полубреду покойный возмущался и власть бранил и клял за то судьбу, что не добился правды от начальства, ни тела сына в цинковом гробу...

ЗАЖГУ СВЕЧУ 169 Так и ушёл. Так люди говорили: Лишь Вий посмотрит отрешённо

и удалится с глаз долой.

Иван Ивановичу разве,

не станет никого винить!

Останется навеки втайне:

и нежеланный ревизор?

не ехать в ушлое село,

Как растолкуешь человеку

Доедет ли в метель такую и ночь, по снегу января, собой, извозчиком рискуя,

покамест не взойдёт заря?!

.

Кому-то в эту ночь не спится.

чтоб побороть в себе тоску.

Тарасу Бульбе – казаку.

Не дело с бабами бабиться –

Исподтишка войной ударит,

хоть старый, но ещё удалый,

так не сумев никак заснуть.

В лице изменятся бульвары

и всполошится Петербург.

Такая ночь бывает только

Пусть к басурманам устремится,

поскольку ныне больше снега,

чем в прошлый месяц, намело?

кто он, что по дороге дальней на санках, устремляя взор

в село, свой держит путь, опальный

Обиженный и оскорблённый, Иван Никифорович мой

смешно подумать, не простит

обиду?! Гоголь в казнокрадстве

 Так и ушёл, – качая головой. Так я пишу в своём нелепом стиле,

не ведая, что дальше за строфой.

Ноябрь мне надоел и опостылел... Смотри, читатель, осень в одиночку в который раз я на себе влачу.

Ночь на исходе. Стало быть, мне точку поставить надо и задуть свечу.

ГОГОЛЬ

Садятся люди в электрички, не зная, чем занять досуг. Весь век летит по черевички

кузнец Вакула в Петербург. Чёрт дёрнул чёрта выкрасть месяц.

И, как покойница, легла, из «Вия», на глухую местность досель невиданная мгла. На керосиновую лампу

надежды не держу уже. Мерещатся, куда не гляну, герои Гоголя везде.

Пишу, рифмую бестолково. Но где-то за моим умом Манилов вместе с Хлестаковым в ночи плутают под окном.

Гуляет вьюга в подворотнях, где совершает своё зло. Пусть наконец-то скажет кто-то

из них: К нам едет ревизор!

Когда, свои дела окончив на службе, выйдет на крыльцо,

почудится в беззвёздной ночи Башмачкину моё лицо.

Перекрестятся два Ивана, подастся Чичиков в бега... В степях бескрайних Казахстана

навряд ли сыщут беглеца.

раз в жизни и под Рождество? По мне бабахнет из двустволки

казак и выбросит ружьё, И пуля душу мне остудит,

моей руки коснётся смерть.

КАНАТ КАНАКА

По мне – поэту – затоскует Казак и упадёт на снег.

Метель отступит, стихнет вьюга, на небе выглянет луна, и длинный луч луны упругий

коснётся моего лица. Не тронет грусть коня в загоне.

Покинет чёрт с зарей село. Казак проснётся и уронит

в ладони сонное лицо. Пущай сельчане колядуют

когда, стращая силу злую,

всю ночь. Хома испустит дух, прокукарекает петух. Возьми, Солоха, на поруки

меня, за тридевять земель, на гору, где старуха-вьюга, в пещеру, где живёт метель. Нет у Солохи дилижанса:

нет ни коляски, ни коня. Как долго будет продолжаться всё это, знаю только я.

Неси по матушке России меня, Солоха, на метле.

стращать село в кромешной мгле.

Пойдёт покойница из «Вия»

Степная ширь обманывает глаз. Парит орёл, висит на небосклоне. Лишь зрение (не знаю, как у вас) увидеть очевидное способно.

Степь – женщина, и гордая причём, лежит нагая, Бога не стесняясь. Я в степь иду озябшим новичком. Кем прихожусь степи? И кем останусь?

Попробуй жажду утоли в степи из Сырских вод, где неземная влага. В степи легко мне сочинять стихи. Я на степи пишу, как на бумаге. Кочевник мчится резво на коне.

Конь седока в историю уносит

сквозь войны, битвы, оставляя мне

ничем не описуемую осень. Кочевнику привычна красота родной земли – не ласковой, не грубой. А мне в новинку здешние места. Вон кто-то лихо скачет на верблюде.

Канат Кулахметов (литературный псевдоним Канат Канака) живёт в городе Байконуре, ему 32 года. Печатался в журналах «Московский Парнас», «Москва», «Новая Юность», «Вайнах», «Книголюб», «Новая реальность», «Журнал ПОэтов», «Наше поколение», «Зарубежные задворки». Участник XIII форума молодых писателей России и стран СНГ в Липках (2013). Дипломант конкурса «Русская речь» (2015).

